

DOI: 10.22363/2312-8313-2018-5-2-160-177

Постсоветское крымское село: социально-экономическая трансформация

Т.Ю. Гусаков

Центр аграрных исследований
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
пр-т Вернадского, 82, Москва, РФ, 119571

Парад суверенитетов 1991 года образовал вместо Советского Союза 15 независимых государств, в числе которых была Украина. С этого момента начался новый этап в жизни крымского общества. Развитие сельских территорий Крыма несколько отличалось от остальных украинских регионов из-за специфических черт полуострова: этнического разнообразия и поляризации, природных ограничений для ведения сельского хозяйства, незначительности различий города и села в плане условий и уровня жизни. Экономические преобразования постсоветского периода изменили сельские территории, в частности, был достигнут ряд целей, поставленных еще советским правительством (например, сокращение социокультурного разрыва между селом и городом). Однако из-за неэффективной политики кризис сельской местности углубился, к проблемам сельских жителей добавились экономические трудности. Неспособность формальных институтов обеспечить режим частной собственности и поддержание объектов инфраструктуры, выполнять свои социальные обязательства способствовали формированию мощных неформальных институтов, которые сдержали миграцию из сельской местности в города, характерную для Нечерноземья. Жители сельских территорий выработали разные стратегии преодоления пауперизации. Сельская рыночная экономика, пришедшая на смену плановой в 1990-е годы, полностью погрузилась «в тень» из-за высоких транзакционных издержек и пассивности фискальных органов. Статья продолжает российскую традицию монографического описания сельских поселений: автор рассматривает трансформацию экономики сельских территорий Крыма на примере села Новоалексеевка Красногвардейского района, расположенного в степной сельской зоне.

Ключевые слова: сельская местность; Крым; неформальная экономика; безработица; постсоветский период; фермерство; сельское хозяйство

Монографическое описание сельских населенных пунктов в российской традиции насчитывает несколько десятков работ – это междисциплинарные исследования, где социологические аспекты переплетены с экономической спецификой и пространственными закономерностями территорий. Первопроходцами изучения сельской жизни являлись В.И. Даль, А.В. Терещенко,

Е.А. Покровский и другие исследователи XIX века, которым удалось собрать обширный материал по истории материальной и духовной культуры российского крестьянства. Яркими примерами изучения сельских общин являются монографии П.П. Семенова-Тян-Шанского «Мураевенская волость» и О.П. Семеновой-Тян-Шанской «Жизнь Ивана».

Рассмотрение картин сельской жизни продолжилось в 1920-е годы, когда стало актуально осмысление «старого» и строительство «нового» сельского уклада. В этом отношении интересны труды В.Я. Феноменова [27], В.Н. Алексеева [1] и др. [22. С. 42].

Однако уже в 1930-е годы вектор исследований сместился к изучению экономических отношений села, вытесняя социальные аспекты. Главной темой стали связи сельских территорий и города, а также преодоление проблем сельского хозяйства. Несколько отходят от общего тренда работы 1950–1960-х годов, в которых рассматриваются все стороны сельской жизни [11. С. 130]. Академическое сообщество возвращается к социальным сюжетам лишь в конце 1980-х годов. Второе рождение монографического описания сельских поселений пришлось на начало 1990-х годов и связано с изменениями сельской местности и жизненного уклада деревни. В попытках проследить трансформационные процессы на локальном уровне социологи изучали развитие конкретных сельских общин. Особый интерес представляют работы В.Г. Виногоградского [21], В.В. Кондрашина [15], О.И. Марискина [16] и др.

В зарубежной науке изучением локальных сюжетов сельской жизни занимались представители французской школы «анналов» (М. Блок, Л. Февр и др.). Их последователями были представители возникшего в 1970-е годы в Германии и Италии течения «историко-критической социальной науки» (Х.-У. Веллер, К. Гинзбург, Д. Леви и др.), которые специализировались на истории конкретных групп [13]. Пальма первенства в изучении локальных сообществ принадлежит американским социологам из Чикагской школы, которые затрагивали весь спектр социально-экономических вопросов не только в Чикаго, но и на периферии [29]. Важный вклад в создание методики монографического описания сельских поселений внесли восточноевропейские ученые, среди которых можно выделить исследование бессарабского села Копанка Д. Густы [30] и его последователей.

Статья выходит за рамки традиционных монографических описаний, рассматривая село Новоалексеевка в контексте государственных и региональных преобразований. На основе бесед с местными жителями сформирована картина трансформации жизни типичной для Крыма сельской местности через восприятие изменений ее жителями. В статье автор решает ряд задач: раскрывает особенности преобразования системы коллективных хозяйств на примере колхоза им. С.М. Кирова; описывает восприятие селянами перехода от плановой к рыночной экономике; обозначает специфические черты системной трансформации экономических отношений крымского села.

Историческая справка и экономическое положение

Село Новоалексеевка входит в состав Амурского сельского поселения (сельского Совета) Красногвардейского района Республики Крым. По сравнению с соседними селами Новоалексеевка имеет более выгодное экономико-географическое положение из-за близости к крупному поселку городского типа Октябрьское с населением свыше 10 тысяч человек и транспортным магистралям – железнодорожной линии Симферополь–Джанкой и автодороге «Ялта – граница с Украиной». Отруб «4 участок» (позже – село Новоалексеевка) был основан в 1908 году на территории сельскохозяйственных угодий бывшего имения камер-юнкера П.В. Попова, которые были проданы Поземельному банку после Столыпинской реформы [3. С. 4; 10; 14. С. 213]. Первые поселенцы, получившие наделы под кредитные обязательства, были уроженцами губерний Нечерноземья и севера современной Украины. В дореволюционный период Новоалексеевка входила в состав Бютеньской волости Перекопского уезда, находясь в 3 километрах от волостного центра.

В 1921 году сельская община под влиянием советского правительства образовала товарищество по совместной обработке земли, а в 1930 году, в ходе коллективизации, население села объединилось в колхоз «Страна Советов» [26]. Некоторые жители Новоалексеевки подверглись политике «раскулачивания» и были высланы в другие регионы РСФСР, их хозяйственные постройки стали основой нового колхоза. В домах «кулаков» разместились контора, сельский клуб, ясли-сад, фельдшерско-акушерский пункт, школа и другие объекты. В послевоенный период колхоз «Страна Советов» был ликвидирован, а его территория включена в состав колхоза им. С.М. Кирова с центральной усадьбой в селе Амурское [17]. После объединения Новоалексеевка получила мясомолочную и зерновую специализацию, в селе были построены молочно-товарная ферма и зерновой ток с соответствующей инфраструктурой, создана тракторно-полеводческая бригада. В 1960–1970-е годы в селе были значительно сокращены приусадебные участки населения, распаханы и введены в севооборот пастбища, оптимизированы объекты социальной инфраструктуры (закрыты школа и ясли-сад). В этот период развивается инфраструктура Новоалексеевки: электрификация, асфальтирование дорог, проведение водопровода, строительство новых помещений социальных объектов.

После распада СССР колхоз был преобразован в сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК) «Восход» [12], а фактически прекратил существование, распределив между селянами имущественные и земельные фонды. В конце 1990-х годов Новоалексеевка потеряла колхоз, но фермерские хозяйства так и не стали его альтернативой, нося очаговый характер. Значительное влияние на развитие села оказало соседство с поселком городского типа Октябрьское. Расположение основных объектов инфраструктуры в поселке Октябрьское привело к тому, что закрытие школы, детского сада и магазина в Новоалексеевке было

продиктовано их неконкурентоспособностью по сравнению с «поселковыми», а ликвидация колхоза и разрушение хозяйственного комплекса Новоалексеевки определило вектор миграции населения в сторону ее «соседа».

Рост численности населения Октябрьского в постсоветский период был обеспечен стягиванием туда жителей из соседних населенных пунктов, социальная инфраструктура которых постепенно деградировала. Расположенное в пешей доступности село Новоалексеевка не стало исключением – основными причинами визитов жителей Новоалексеевки в поселок стали: получение услуг образовательных и медицинских учреждений; трудоустройство (ежедневные маятниковые миграции); транзит (использование железнодорожной станции и автостанции); родственные связи; культурная составляющая (поселок выполняет функцию культурного центра). Неспособность центра Амурского сельского поселения, к которому относится село Новоалексеевка обеспечить население набором социальных услуг спровоцировала формирование тесных связей сел не с центром, а с поселком Октябрьское, в итоге жители Новоалексеевки считают себя частью десяти тысячного поселка Октябрьское, а не Амурского сельского поселения.

Разрушение социалистической системы

Произошедшие после образования Украинского государства системные сдвиги привели к социально-экономической трансформации крымских сел. Замена «плана» рыночной моделью спровоцировала кризис в агропромышленном комплексе. Колхозный строй, который лег непосильной ношей на государственный бюджет, нуждался в экстренной поддержке со стороны властей. Но правительство не предпринимало эффективных действий по реформированию хозяйства сельских территорий и лишь расходовало советский потенциал. Формировавшаяся в 1990-е годы бизнес-элита не была заинтересована в коллективных хозяйствах, поэтому колхозы один за другим заявляли о банкротстве, распродавая фонды. В Новоалексеевке «колхозный кризис» начался в 1993 году, после остановки мясоперерабатывающих и молочных предприятий Крыма – колхоз лишился рынков сбыта, что повлекло дефицит денежной массы: происходили задержки выплаты заработной платы, переход на натуральную оплату труда, началось сокращение персонала и распродажа технических фондов. Колхозное правление незаконно увольняло работников без выходного пособия, и подобные случаи нарушения положений КЗоТ были не единичными. Правление колхоза пыталось сократить сумму задолженности по выплатам заработной платы любыми способами.

Несмотря на тяжелое положение сельских жителей, большинство из них до последнего надеялось на колхоз. Действительно, трудно представить, что коллективное хозяйство, находившееся на пике экономического роста в 1992 году и способное содержать большое количество социальных объектов, уже через год продемонстрировало неспособность адаптироваться к условиям рынка без помощи государства. Существовавшая десятилетиями модель сельской

жизни препятствовала экстренной перестройке жизненного уклада – после закрытия колхозных объектов тотальная безработица охватила село. Безусловно, существовала возможность поиска работы в Симферополе, однако экономический кризис коснулся и города – закрывались предприятия, на оставшихся проходили сокращения производственных мощностей и массовые увольнения. Поэтому крестьянство оставалось по большей части в деревнях, пытаясь реализовать предоставленные государством экономические права и свободы на базе личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Распределение колхозного крупного рогатого скота между жителями стала для многих первоначальным капиталом для открытия собственного дела. Сельский социум постепенно налаживал кооперацию на бартерной основе – «вы нам молоко, а мы капустой расплатимся». Формировалось «общество торговцев», представители которого ежедневно возили продукцию ЛПХ на рынок Октябрьского и Симферополя.

Маятниковые миграции из села в поселок Октябрьское и Симферополь постепенно нарастали, но их бум пришелся на начало 2000-х годов – период стабилизации экономической ситуации. В городах Южного берега Крыма (ЮБК) начался строительный бум, требовавший неквалифицированных работников, которыми располагала сельская местность. В Новоалексеевке были сформированы несколько бригад (примерно по 5 человек), которые работали вахтовым методом на строительстве объектов ЮБК. Расширение сектора услуг в Симферополе привлекло большое количество сельских женщин – в официанты, продавцы, консультанты, проводники и пр. Именно они образовали основную волну ежедневной массовой миграции, которая пользовалась услугами пригородного железнодорожного и автобусного транспорта.

Главным следствием безработицы в сельской местности стала маргинализация части молодежи: несмотря на всеобщую бедность и отсутствие постоянных доходов, ЛПХ стали основными мишенями молодежной преступности («просыпаешься утром, а в деревне уже говорят: – у тех кур украли..., там корову пытались увести...»).

Социальные трансформации 1990-х годов также породили серьезные миграционные потоки, в частности, экономическая нестабильность и нарастание межнациональной напряженности выдавливали представителей русского и белорусского этносов из формировавшегося крымского социума. В 1990-е годы полуостров покинули около 12% славянского населения, мигрировав в регионы России, Украины и Белоруссии [2; 23]. Наиболее значительные перемены были привнесены в жизнь Крыма репатриантами, возвращавшимися на территорию полуострова в начале 1990-х годов: по решению правительства поток крымскотатарских мигрантов был направлен в сельскую местность (рис. 1), поскольку в колхозах полуострова существовал дефицит трудовых ресурсов, несмотря на распад колхозного строя. Муниципальные власти активно выделяли земельные участки под строительство домов крымским татарам и представителям других реабилитированных народов. В Новоалексеевке была построена новая улица – Восточная, заселенная репатриантами, что

было типичной для Крыма ситуацией. Поскольку домовладения, изъятые у депортированных в 1944 году, были заняты, репатриантам выделялись большие участки бывших земель сельскохозяйственного назначения. Во многих крупных поселках созданы массивы компактного проживания крымскотатарского населения, однако обустройство новых микрорайонов до сих пор не завершено, они отличаются от других отсутствием асфальта и разнообразием архитектурных форм татарских домов.

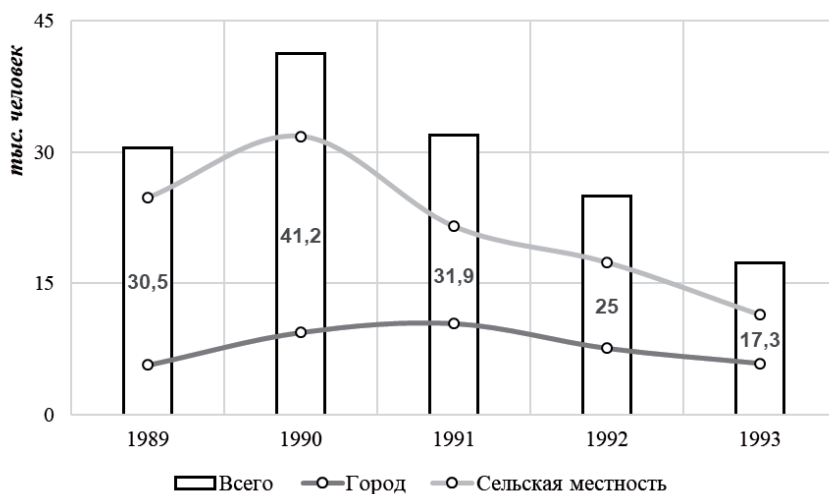

Рис. 1. Распределение потока репатриантов – крымских татар [8. С. 241]

Нескоординированная работа властей по возвращению крымских татар вызвала массовые манифестации и протесты в разных районах Крыма. Нарастание межнациональной напряженности остро чувствовалось на протяжении всех 1990-х годов. Из-за высокого уровня бедности в сельской местности она проявлялась в открытых выступлениях и претензиях к местным русским жителям. В Новоалексеевке некоторые татары выказывали открытое недовольство неравенством положения русских и репатриантов.

Урбанизационный тренд затронул крымскую сельскую местность в меньшей степени, что связано с высоким уровнем бедности – сельские жители просто не имели финансовой возможности покинуть «неперспективную» деревню. Регулятором и лимитирующим фактором сельской депопуляции, как ни парадоксально, выступила бедность большей части населения. Состоятельные же крестьяне не стремились переезжать в города, будучи привязаны к сельскому образу жизни.

В конце советского периода колхоз имени С.М. Кирова имел значительные по размерам земли сельскохозяйственного назначения и технику, их обслуживающую. В постсоветский период, после сворачивания колхозной системы, начался передел имущественных фондов – колхозникам была представлена

возможность выкупа сельскохозяйственной техники на коммерческой основе, и многие предприимчивые механизаторы стали обладателями тракторов и комбайнов. Однако не обошлось без злоупотреблений представителей колхозной «верхушки», которые присвоили себе большую часть фондов и денежных средств, вырученных от продажи техники и инвентаря.

После закрытия молокоперерабатывающих заводов в Красногвардейском районе сокращалось поголовье крупного рогатого скота в колхозах. Постепенно коров вырезали «на мясо», оплачивая труд персонала молочно-товарных ферм. После 1993 года правление колхоза решило ферму в Новоалексеевке закрыть, а коров продать по льготной цене местному населению (бывшим колхозникам).

Окончательная точка в колхозной истории была поставлена 3 декабря 1999 года, после подписания Президентом Украины Л.Д. Кучмой закона «О неотложных мерах по ускорению реформирования аграрного сектора экономики», который ликвидировал все коллективные хозяйства государства, в том числе и СПК «Восход». В экстренном порядке предлагалось трансформировать все коллективные хозяйства в частные предприятия. Земельный фонд был поровну распределен между членами кооператива – произошло «распаивание» (каждый работник, независимо от должности, получил земельный участок). В Новоалексеевке каждому жителю достались участки земель сельскохозяйственного назначения площадью около 5 га.

У бывших колхозников появилась возможность беспрепятственно выйти из коллективного хозяйства с собственным земельным и имущественным паем. Остатки сельскохозяйственной техники также подлежали оценке и распределению. Все имущество колхоза было разделено и каждому имевшему право был выдан сертификат, который юридически закрепил владение частью коллективного имущественного фонда. Юридически находившиеся в коллективной собственности производственные объекты фактически перешли во владение представителей бывшей колхозной элиты, которые регистрировали собственные фермерские хозяйства и, используя коллективную собственность, развивали личные бизнес-проекты. Так, в конце 1990-х годов члены правления приватизированы все производственные объекты бывшего колхоза. В соседних хозяйствах объекты разграблялись и разрушались из-за отсутствия «хозяина», а в Новоалексеевке фермерам удалось сохранить большую часть построек и наладить обработку земельного фонда, хотя, как правило, фермеры использовали первоначальный капитал, накопленный незаконно, присваивая колхозные фонды («...да эти фермеры первые воры и были, весь лес с фермы продали, это потом уже люди остатки растаскивали»).

Но основной вред был нанесен социальной инфраструктуре, которую передали на баланс местных властей. Муниципальные чиновники не могли обеспечить ее надлежащую охрану, поэтому сельские клубы, «оптимизированные» школы, детские сады и помещения закрытых фельдшерско-акушерских пунктов варварски разграблялись местными жителями. В Новоалексеев-

ке были утрачены здания школы, сельского клуба, постройки молочно-товарной фермы. «Председатель сельсовета ездил на велосипеде на работу мимо новоалексеевского клуба, который разбирали постепенно на камни. Однажды он остановился возле руин и задался вопросом: “А где клуб?!”». «Бардак» закончился лишь в начале 2000-х годов, когда практически ничего не осталось.

Представители колхозной номенклатуры пытались адаптироваться к рыночной экономике, используя ресурсы, к которым имели доступ, чтобы зарегистрировать собственное крестьянское фермерское хозяйство. Несмотря на стремление властей перевести всех колхозников в категорию фермеров, этого не случилось – экономические свободы не были востребованы в селах, чем воспользовались некоторые предприимчивые бывшие колхозники. Новоявленные фермеры, выкупая сельскохозяйственную технику, брали в аренду земельные паи у односельчан для выращивания зерновых культур: бывшей доярке было легче отдать собственный пай в наем фермеру и получать хоть какой-то доход, поскольку самой обрабатывать его было невозможно.

Фермерское движение, завладев советской сельскохозяйственной техникой, стало ее заложником, потому что уже в 2000-е годы она пришла в негодность [20]. Из-за архаичных технологий и оборудования не удавалось повышать урожайность зерновых. На помощь фермерам наконец явилось окрепшее государство, развивавшее в середине 2000-х годов программу льготного кредитования сельхозпроизводителей. Крупные фермеры, способные получить кредиты, смогли обновить технический парк, списав советские и арендуя новые тракторы и зерноуборочные комбайны. Мелкие же арендаторы не смогли получить преференции из-за отсутствия собственности для покрытия задолженности в случае неплатежеспособности. Такого рода риск существовал, поскольку полуостров входит в зону рискованного земледелия (заморозки и засухи). Однако фермеры сами себя страховали, дополняя выращивание зерновых культур содержанием ферм, овчарен и свинокомплексов, чтобы в случае неурожая избежать банкротства.

Несмотря на легализацию фермерских хозяйств, их существование в значительной части обеспечивалось теневой деятельностью, в частности, привлечением работников без официального трудоустройства при попустительстве налоговых органов («...все знали, кто придет и когда, и кому нужно и сколько заплатить... придет к нам из налоговой инспектор, сумочки нагрузили ей, она нарушений не нашла, поехала... и так до следующего года»). Для крымских татар статьей дополнительных доходов была «реставрация» и перепродажа подержанной сельскохозяйственной техники мелким фермерам с маржой, используемой для диверсификации бизнеса.

Бедность и неготовность большинства селян к фермерству позволили предприимчивому меньшинству (около 1%) сконцентрировать в своих руках основную часть бывших колхозных фондов и заняться сельским хозяйством. В этом плане произошло точное проецирование экономической модели государства на Новоалексеевку, но «олигархатом деревни» стали фермеры. Вто-

рой силой, которая сумела организовать в условиях «дикого капитализма», стали крымские татары, чьим первоначальным капиталом стали деньги, вырученные от продажи собственного имущества в среднеазиатских республиках при переезде в Крым. В Новоалексеевке предприимчивый татарин выкупил территорию бывшей колхозной бани и организовал там тепличный комплекс, используя водные ресурсы села для полива и обогрева. Многие крымские татары уже в начале 1990-х годов стали реализовывать продукцию своих ЛПХ на рынке в поселке Октябрьское, постепенно наращивая производство и выходя на новые рынки. Сформировался класс «торгашей-перекупщиков», которые поутру скупали продукцию в ЛПХ села, чтобы перепродать ее на рынке с маржой, установив торговый диктат цен. Развитие «базарной экономики» охватило в середине 1990-х годов и городские и сельские территории.

Неспособность украинского государства регулировать экономические отношения в начале 1990-х годов и тотальная безработица в сельской местности создали почву для развития неформальной экономики, а отсутствие институциональных барьеров породило самые разные ее виды, в том числе теневые [9]. Во многом расцвет неформальной экономики стал возможен вследствие «прикрытия» со стороны правоохранительных и налоговых структур (*«милиции платили, безнаказанность порождала усугубление, дальше – больше...»*).

Особым видом нелегальной экономики в сельской местности Крыма стало батрачество. Распад СССР и разрыв межгосударственных связей обусловил сельскую оседлость цыганского (ромского) этноса, однако его представители продолжали заниматься традиционными для них отраслями экономической деятельности – воровством и сбытом краденого имущества, производством и сбытом суррогатного алкоголя, попрошайничеством и мошенничеством, в 1990-е годы к этому списку присоединилось производство и распространение наркотических средств. Быстрое обогащение и специфика деятельности позволяли цыганам загонять в долговую яму обедневших представителей сельского общества – их обращали в батраков или «садовников», как именовали ромы людей, живших и работавших за натуральную оплату при зажиточных семьях до конца своей жизни. Впрочем, батраки таким образом решали собственные социальные проблемы – отсутствие жилья, документов, денег (*«...ну уже б давно в могиле был, а так хоть у цыгань живет...»*).

Другую категорию теневой экономики составили виды экономической деятельности, ограниченные законодательством и скрытые от фискальных органов: сельскохозяйственная деятельность (выкупив технику из колхозного фонда, селяне занимались вспашкой огородов односельчан и «отходили» в наем на сезонные уборочные работы; жители, имевшие живые деньги, занимались выращиванием овощей на арендованных землях, используя дешевый ручной труд бывших колхозников); торговля (системный кризис заставил население сельских территорий выйти на рынок – для продажи продукции ЛПХ, личных вещей, бывших в употреблении, ресурсов, к которым имелся доступ); оказание бытовых услуг (строительный бум в сельской местности в 2000-х

годах потребовал большого количества рабочих – газосварщиков, каменщиков, штукатуров и пр.). Обширным на пике неформального развития села в 1990-е годы стал сектор ЛПХ, представленный как сельскохозяйственными видами деятельности, так и сферой услуг: огородничество (выращивание огородных культур и их реализация на рынках через «перекупщиков» стало неплохим дополнительным доходом для селян-пенсионеров); животноводство (распродажа колхозного стада предоставила возможность, выкупив корову, развести собственные стада, реализуя мясо-молочную продукцию и предоставляя услуги быка-производителя; выведение больших территорий из севооборота позволило создать обширные пастбища для выпаса в весенне-осенний период сельскими пастухами (чабанами) коров и овец); птицеводство (в 1990-е годы наблюдались случаи откармливания уток бройлерной породы для реализации мясных тушек молодняка); пчеловодство.

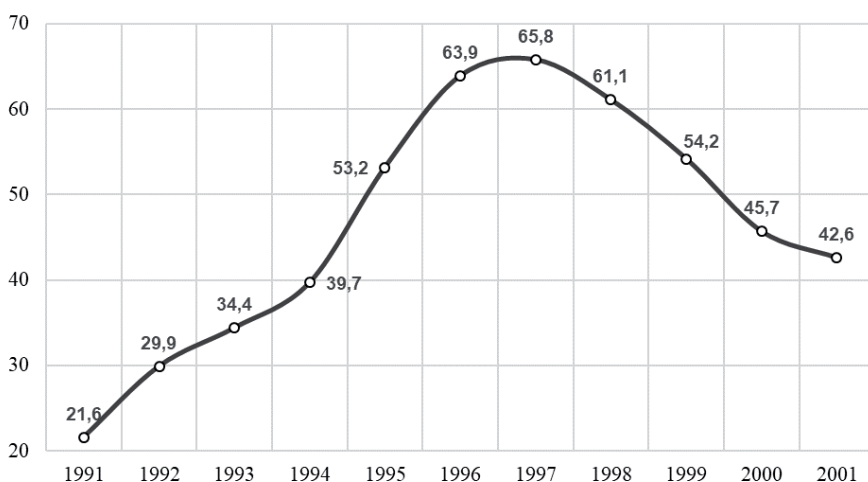

Рис. 2. Доля доходов теневой экономики в структуре ВВП Украины (в %) [31]

Перечисленные отрасли развивались на базе ЛПХ и являлись примерами домашней экономики, которая коммерциализировалась из-за отсутствия альтернативных источников легального дохода. Некоторые виды продолжили существование и после сжатия неформального сектора в 2000-е годы, концентрируясь в руках представителей крымскотатарского этноса. Единичные случаи промышленного разведения коров и овец на базе ЛПХ встречаются в Новоалексеевке и сейчас.

Использование личных участков сельскими жителями позволило несколько снизить уровень бедности [19]. Однако неформальный сектор экономики стал сжиматься в начале 2000-х годов под влиянием социально-экономической стабилизации и роста благосостояния населения (рис. 2). Ряд теневых отраслей не выдержал схватки с легальными торговыми гигантами, в частности, на смену базарам приходят торговые сети с более дешевым продовольствием,

не оставляя шансов малому бизнесу («перекупщикам»). В Новоалексеевке неформальный рынок тоже сжимается, и в начале 2010-х годов в «тени» остались лишь те, кто сделал ее основным способом получения доходов («на рынке сидят те, кто остался с 90-х, они как начали, так и сейчас сидят, пока ноги ходить не перестанут, вот они повымирают и рынок исчезнет...»).

Государственная повестка в жизни села

Крымское общество отличалось от других регионов своей этнической гетерогенностью – доминированием русского этноса и наличием большой группы татар. В противовес поддержке русскими пророссийской риторики выступали крымские татары, «обиженные на советскую власть» и выступавшие за проевропейские перемены на Украине. Источником межнациональных разногласий в Крыму явилась депортация народов в Сибирь и Среднеазиатские республики в 1944 году [4. С. 88] – крымские татары подверглись высылке на «вечное» место жительства без права на возвращение и находились в местах ссылки вплоть до распада СССР. В начале 1990-х годов, после реабилитации, им было разрешено вернуться на полуостров, но крымское общество оказалось не готово безболезненно принять около 250 тысяч репатриантов, особенно в условиях резкого снижения уровня благосостояния и безработицы.

Проблемы с адаптацией репатриантов начались уже на первом этапе переселения, когда колхозный дефицит трудовых ресурсов был решен и лимит свободных жилых площадей исчерпан. Правительство вынуждало колхозы выводить некоторые земли сельскохозяйственного назначения из севооборота и передавать их населенным пунктам под строительство жилых массивов. Однако проблемы это не решало, потому что участки выделялись в степных районах, лишенных элементарной инфраструктуры. Не все репатрианты готовы были мириться с такой участью («... меня выслали из Ялты! Почему я должен жить в степи?!»). Поэтому вокруг Симферополя образовывались «поляны протеста» (самозахваты) – бывшие земли сельскохозяйственного назначения, самовольно захваченные крымскими татарами, на которых возводились небольшие временные строения («временки»). Бедственное положение, нарушение привычного жизненного уклада возвратившихся репатриантов, неблагоустроенность массивов компактного проживания привели к социальному кризису и участвующим протестам. Социальный раскол усугублялся политическими элитами правой и левой ориентации, из-за чего в обществе преобладал дезинтеграционный тренд, осложнявший адаптацию репатриантов. Вместо интеграции крымскотатарские репатрианты проявили скорее изоляционизм, образовав собственную социальную среду с признаками геттоизации (массивы компактного проживания например) и неформальные институты: собственное правительство – Курултай, теневую экономику, образовательную среду (мектебе, медресе), СМИ и культурные центры (мечети, театры, музеи).

Схожий процесс геттоизации произошел с цыганской общиной полуострова. Цыгане различных вероисповеданий и уровня жизни также накопили бондинговый социальный капитал, который характеризуется высоким уровнем доверия внутри кланов ромов. Подвергшись стигматизации и дискриминации, цыгане вынуждены были вести традиционный образ жизни. Впрочем, существовал и этнический барьер – архаичность жизненного уклада и традиционной культуры: низкий уровень образования, ранние браки, пренебрежение неформальными общественными устоями привели к образованию так называемых «шанхаев» (трущоб), где проживали беднейшие представители цыган.

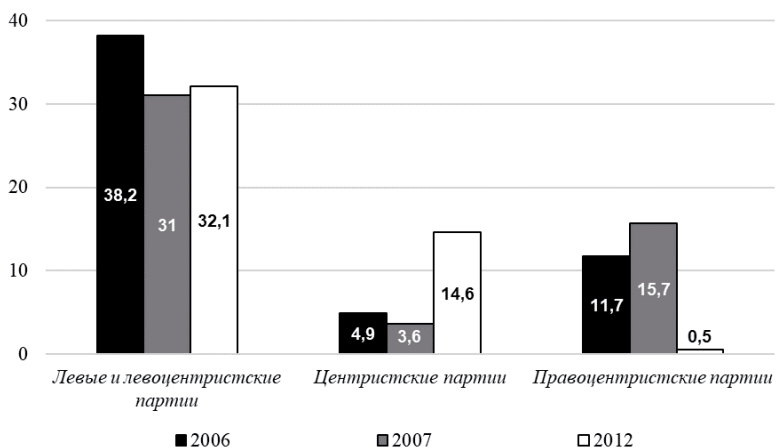
В Крыму наметилась резкая общественная поляризация этнического характера, с начала 2000-х годов накал межэтнических противоречий постепенно спадал, но разногласия не были решены, конфликты перешли в стадию «холодного противостояния». Сельская местность не была исключена из этих конфликтов и политической борьбы из-за своего относительно большого удельного веса в экономике страны.

Население постсоветской Новоалексеевки (рис. 3) можно достаточно условно разделить на три политических лагеря, придерживающихся противоположных взглядов: русские поддерживали левые и левоцентристские силы (коммунистов, регионалистов, русофилов); украинцы – либеральные левоцентристские и центристские силы (партии, выступавшие за сотрудничество с ЕС и РФ); крымские татары – аполитичны либо сторонники правых и правоцентристских сил. Из-за доминирования славян в численности населения села большей поддержкой пользовались левоцентристские политические силы, поэтому в Новоалексеевке был создан агитационный штаб Партии регионов, хотя существовали и ячейки Коммунистической партии Украины, Народного блока Литвина «Мы!», партии «Відродження», партии «Союз» и Блока Юлии Тимошенко. Однако политизация социума не играла серьезной роли, выступая лишь ширмой для прихода к власти новых «голодных групп» и передела экономических мощностей.

Рис. 3. Этнический состав Новоалексеевки на 1 января 2007 года (расчеты автора по материалам похозяйственных книг села Новоалексеевка)

Население села государственными институтами было доведено до бедственного положения – не только материального, но и состояния социального капитала. Представители разных социальных групп надеялись на разные выходы из текущего бедственного положения: русские грезил о возврате в СССР, украинцы – о вхождении в Европейский Союз, а крымские татары надеялись возродить государственность, хотя бы в автономном формате (рис. 4).

Рис. 4. Результаты волеизъявления жителей сел Новоалексеевка и Новоивановка на выборах народных депутатов Верховной Рады Украины 26 марта 2006 г., 30 сентября 2007 г. и 28 октября 2012 г. (% избирателей) [5; 6; 7]

Неспособность государства выполнять свои социальные обязательства, гарантировать охрану правопорядка и частной собственности заставило сельского жителя рассчитывать лишь на собственные силы в решении материальных и иных трудностей. Опора на собственные силы – основная тенденция 1990-х годов в выборе жизненных стратегий селян Крыма (а не лозунг «выжить всем миром»), что породило множество проблем вследствие сохранения коллективной собственности. В конце 1990-х годов практически все хозяйственные строения и техника Новоалексеевки были приватизированы фермерами, на которых возлагались обязанности по поддержанию сельской инфраструктуры. Роль фермеров для села велика, поскольку именно они выступают инициаторами и организаторами коллективных действий для благоустройства территории – «субботников», работ по ремонту водоводов, поддержке социальной инфраструктуры и проведению массовых мероприятий. В условиях недофинансирования местных бюджетов это был единственный источник сельской активности.

При молчаливом равнодушии институтов власти и органов правопорядка переданную на муниципальный баланс коллективную собственность растащили жители («...уже когда коровник разбирали, приехал участковый. А Мацай на стене сидит, участковый его за ногу схватил и стаскивает вниз, – Что ж ты делаешь?!, а тот ему – все ломают и я буду!»).

Немаловажную роль сыграла и крымскотатарская диаспора. После распределения всего пустующего жилищного фонда поток репатриантов не прекратился, поэтому была выделена территория под строительство новой улицы. Земельные участки предоставлялись муниципальными властями на безвозмездной основе, а строительство мигранты должны были вести за собственные средства. Однако дефицит строительных материалов стал серьезным препятствием для новоселов. Можно выделить три стратегии решения этой проблемы, которые активно использовали жители в середине 1990-х годов: самостоятельное отливание камня для строительства из навоза и соломы; покупка вагончика и монтаж внутри него жилого помещения; приобретение краденных строительных материалов у маргиналов за «бутылку». Именно последняя стратегия повлияла на быстрое уничтожение коллективной собственности села.

Аналогичная история произошла и с бывшими колхозными лесозащитными полосами, которые были высажены в рамках программы по озеленению Крыма в начале 1970-х годов для борьбы с выдуванием гумусового горизонта и пылевыми бурями. Поскольку крымские степи – это безлесные территории с умеренным континентальным климатом, в зимний период здесь существует дефицит дров для отопления, и в 1990-е годы предприимчивые местные жители выпилили значительные площади лесонасаждений.

Личные подсобные хозяйства

В советское время роль ЛПХ в Крыму менялась: если до 1950-х годов они служили источником пропитания, то в позднесоветский период стали источником дополнительного дохода от реализации собственной продукции. Хозяйства населения превратились в основную статью домашней экономики, которая приносила хороший доход колхозникам. Основанные на ресурсной базе, получаемой безвозмездно из колхоза, они были рентабельным бизнес-проектом в условиях четкого регулирования.

В постсоветский период роль личных подсобных хозяйств изменилась. Сельские жители, потерявшие опору в лице колхоза, вынуждены были искать пути преодоления материальных трудностей. В начале 1990-х годов единственным решением проблемы для многих бывших колхозников стали ЛПХ, чему способствовал целый ряд факторов: отсутствие альтернативы, минимальные издержки (бесплатные ресурсы – вода, солома, сенокосы, пастбища, отсутствие транспортных издержек) и продажа колхозных фондов (выкуп сельскохозяйственной техники и крупного рогатого скота по себестоимости). Эти факторы дали толчок к разрастанию домашней экономики сельских жителей и формированию прочных неформальных связей внутри населенных пунктов и муниципальных образований. Представители бывшей колхозной номенклатуры и предприниматели эксплуатировали земельные фонды колхоза, выращивая овощные и бахчевые культуры с использованием примитив-

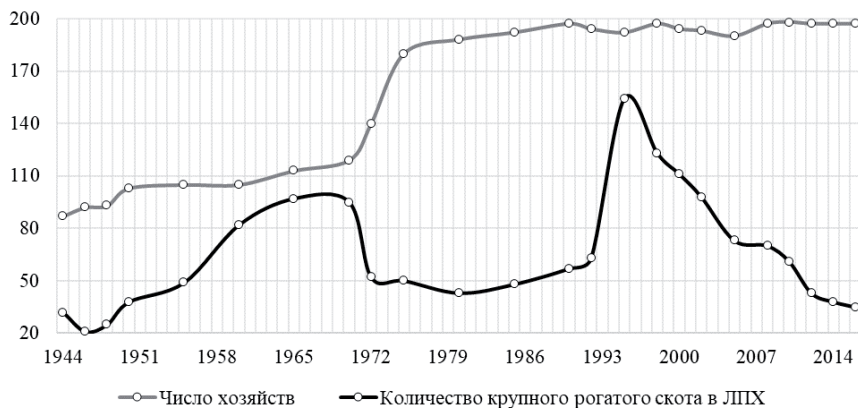
ного ручного труда дешевой рабочей силы (нередко несовершеннолетних из бедных сельских семей). Юные добытчики «лазили по стройкам, искали металл, собирали бутылки, тащили домой все, что может пригодиться в хозяйстве...», чтобы улучшить материальное положение семьи.

Исходя из доминирующей отрасли, приносящей наибольший доход и занимающей значительную часть времени в рабочем дне сельского жителя, можно выделить следующие виды ЛПХ: с преобладанием животноводства, с преобладанием птицеводства, с преобладанием растениеводства (выращивание овощных и бахчевых культур, в 1990-е годы – цветов), с преобладанием пчеловодства и с преобладанием производства алкогольных и наркотических средств (производство самогона и «травки»). Если последний вид специализации регулируется институциональными инструментами, то для остальных существуют природные барьеры развития, которые можно преодолеть лишь путем коллективных усилий, что в условиях индивидуализации и социальной апатии неосуществимо.

Важным индикатором, характеризующим уровень развития ЛПХ, является количество крупного рогатого скота у населения. Если в послевоенный период поголовье скота «съедали», то в 1970-е годы причиной его резкого сокращения стало тотальное распахивание пастбищ вокруг деревни. Пик роста личного стада пришелся на середину 1990-х годов, и это закономерно, так как на 1994 год пришлось ликвидация колхозного стада коров, которых распродавали колхозникам по себестоимости. Но одно дело приобрести корову, а другое – «чем кормить и где содержать скотину?». Поэтому в последующие годы наблюдался спад поголовья по следующим причинам: доступ к дешевой кормовой базе имели лишь те, у кого был земельный пай, в счет которого арендаторы выдавали зерновые и солому (сено); нехватка рабочих рук не позволила многим семьям обеспечивать уход за скотом (доение, выпас, заготовка кормовой базы на зиму); рентабельность содержания крупного рогатого скота вызывала большие сомнения и населения сходилось во мнении – «дешевле купить на рынке!». Поэтому поголовье крупного рогатого скота и ЛПХ закономерно сокращалось (рис. 5).

Бартерные неформальные связи, созданные в 1990-е годы, помогли жителям пережить период социально-экономической дестабилизации. Однако под влиянием роста уровня благосостояния уже в начале 2000-х годов наблюдается резкий отказ от ЛПХ и выбор иных вариантов заработка. Ключевым лимитирующим фактором существования ЛПХ являются природно-климатические условия. Засушливость степей требует наличия поливной воды, с которой в Крыму большие трудности. Некоторые поселения не имеют регулярного водоснабжения, что сводит на нет выращивание продукции растениеводства. Ситуация усугубилась после прекращения поставок воды по Северо-Крымскому каналу, в результате чего крестьянские хозяйства Новоалексеевки значительно сократили объемы производства. Следующим по значимости явля-

ется ресурсный фактор: постепенная легализация отношений внутри сельских сообществ закрыла многим доступ к свободному использованию пастбищ и кормовой базы, а сельское население стареет (молодежь уезжает в города).

Рис. 5. Количество крупного рогатого скота в хозяйствах населения села Новоалексеевка (голов) (расчеты автора по материалам похозяйственных книг)

Забрасывание ЛПХ становится нормой сельской жизни: если раньше «заросший огород» был крайним проявлением бесхозяйственности, то в современной ситуации ведение подсобного хозяйства свидетельствует о приверженности традиционному крестьянскому образу жизни. Село неукоснительно следует урбанизационному тренду в плане трансформации психологии его обитателей, которые избавляются от сельского уклада, приближая условия жизни к городскому уровню, в том числе благодаря маятниковой миграции, укреплению родственных связей и склонности молодежи жить в городе, используя съемное жилье. Но бесследно исчезнуть ЛПХ не суждено из-за этнического разнообразия сельских территорий. Так, значительный потенциал развития неформальной домашней экономики аккумулирует крымскотатарская диаспора: сегодня ее представители активно диверсифицируют ЛПХ и специализируются на производстве сельскохозяйственной продукции. Кроме того, несмотря на сжатие домашней экономики в сельской местности, она остается крайне важной для обеспечения продовольственной безопасности Крыма: из-за разрушения колхозного строя, немногочисленности фермерских хозяйств и отсутствия крупных производителей на долю хозяйств населения приходится большая часть производства сельскохозяйственной продукции. Также после исчезновения коллективных хозяйств сельская местность Крыма лишилась источника занятости, и основным источником доходов сельского населения остаются ЛПХ.

© Гусаков Т.Ю., 2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Алексеев В.Н. Опыт монографического описания деревни Курово Дмитровского уезда. М., 1923.
- [2] Асеева О.Ю. Особенности миграционных процессов Республики Крым // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. №4.
- [3] Борисова А. Возрождение Новоалексеевки // Огни Маяка. 2008. № 37.
- [4] Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма: Документы, факты, комментарии. М., 2002.
- [5] Вибори народних депутатів Верховної Ради України 26 березня 2006 р. URL: <https://goo.gl/RCaXcu>.
- [6] Вибори народних депутатів Верховної Ради України 30 вересня 2007 р. URL: <https://goo.gl/qA6hTa>.
- [7] Вибори народних депутатів Верховної Ради України 28 жовтня 2012 р. URL: <https://goo.gl/VcNhZz>.
- [8] Габриелян О.А., Ефимов С.А., Зарубин В.Г., Кислый А.Е., Мальгин А.В., Никифоров А.Р., Павлов В.М., Петров В.П. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь, 1998.
- [9] Гусаков Т.Ю. Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4.
- [10] Дело № 3555 от 07.12.1907 г. // ГАРК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 484.
- [11] Добрякова М.С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социологические исследования. 1999. № 7.
- [12] Дополнение к исторической справке КСП им. С.М. Кирова Красногвардейского района // ААКР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 11.
- [13] История ментальностей. Историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
- [14] Каспер В.И. Евстратовы и другие. Родословное описание в калейдоскопе истории, фактов, памяти и догадок. Симферополь, 2005.
- [15] Кондрашин В.В. История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997 / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина и др. М., 1997.
- [16] Марискин О.И. Крестьянское хозяйство и быт села Сабанчеево в 1860-е – 1990-е гг.: Автореф. дис. к.и.н. Саранск, 1996.
- [17] Материалы по административно-территориальному делению Октябрьского района // ГАРК. Р-1044. Оп. 1. Д. 155 Л. 35.
- [18] Никулин А.М. Кубанский колхоз между холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.
- [19] Отчет «Уровень жизни в 14-ти районах Автономной Республики Крым». Проект «Мониторинг человеческой безопасности». URL: <https://goo.gl/H3yy1L>.
- [20] Протокол заседания правления колхоза от 27.01.1995 г. / Книга протоколов заседаний правления колхоза им. С.М. Кирова 1–6 // ААКР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 281. Л. 11–12.
- [21] Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.
- [22] Староверов В.И. К истории возрождения российской сельской социологии // Социологические исследования. 2008. №10.
- [23] Статистика населения України. Банк даних. URL: <https://goo.gl/R8mizZ>.

- [24] Стерн В.М. Экономические проблемы развития и реконструкции села. М., 1985.
- [25] Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- [26] Устав сельскохозяйственной артели «Страна Советов» Октябрьского сельсовета Октябрьского района // ГАРК. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 18. Л. 152–163.
- [27] Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Ч. 1: Производительные силы деревни. Л.– М., 1925.
- [28] Чернецов К.А. Крым бандитский: Крымская братва в борьбе за сферы влияния. М., 1998.
- [29] Davis A., Gardner B.B., Gardner M.R. Deep South: A Social Anthropological Study of Caste and Class. Chicago University Press, 1946.
- [30] Gusti D. La monographie et faction monographique en Roumanie. Paris, 1937.
- [31] Medini L., Scheider F. Shadow economies around the world: What did we learn over the last 20 years? // <https://goo.gl/iVeHTV>.

Postsoviet Crimea village: social and economical transformation

T.Y. Gusakov

The Center of the Agrarian Studies
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky pr., Moscow, 119571, Russia

The parade of sovereignties of 1991, in place of the Soviet Union, formed 15 independent states, including Ukraine. The new era of life of the Crimea society started from this time. The development of rural Crimea territories differed from other Ukrainian regions because of the specific features of the peninsula: ethnical diversity and polarization, natural restrictions for agriculture, little differences between lifestyle in towns and in villages. Economical reforms of post-soviet period changed rural territories some goals of the soviet government were obtained (for example reduction of socio-cultural gap between village and town). But because of the ineffective policy the crisis of the rural territories became deeper, economical difficulties added to the problems of rural territories. Inability of formal institutions to provide private ownership and maintenance of infrastructure, to fulfill their social obligations contributed to the formation of powerful informal institutions, that restrained migration from rural areas to cities like in the Black Earth Region. Habitants of the rural territories use different coping strategies. Rural market economy that changed planned economy in 1990 went in “shadow” because of the high transaction costs and passivity of fiscal authorities. The article continues Russian tradition of the monographic description of villages: the author studies the transformation of the economy of Crimea rural territories on the example of the village Novoalekseevka Krasnogvardeisky district, located in the steppe rural zone.

Key words: rural areas, Crimea, informal economy, unemployment, post-Soviet period, farming, agriculture

Об авторе:

Гусаков Тимур Юрьевич – младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: gusakov.timur@mail.ru).